

Эта улыбка неосознанно разрядила обстановку в машине. Спустя мгновение он наконец нарушил молчание и медленно произнес:

— Я все тщательно обдумал. Мы... очень любим друг друга, но не созданы для того, чтобы провести вместе остаток жизни.

Вторую половину фразы он сказал совсем тихо, словно обращался к собеседнику, но в то же время будто констатировал факт для самого себя:

— Если продолжать в том же духе, мы рано или поздно просто испепелим все наши чувства.

Пальцы Гао Сюня, сжимавшие руль, напряглись, но взгляд оставался устремлен вперед:

— Я сделаю все возможное, чтобы измениться...

Не давая больше никаких объяснений или обещаний, он глубоко вздохнул:

— В последний раз. Давай попробуем встречаться еще три месяца.

Ли Сичунь ничего не ответил.

В салоне снова воцарилась гробовая тишина. Каждый думал о своем, и лишь сидевший на заднем сиденье Ли Шаша оставался абсолютно спокоен.

Небо постепенно темнело. Когда они уже почти подъехали, Ли Сичунь собирался позвонить Ли Сяньфу, но, уже набрав номер, в последний момент передумал и позвонил Старика Ли.

Во-первых, он хотел порадовать старика новостью о приезде внука. Во-вторых, это должно было наглядно показать Гао Сюню препятствие, стоявшее между ними: несмотря на многолетние отношения, старшее поколение их союз так и не одобрило.

Разговор продлился около минуты. Ли Сичунь повернулся к Гао Сюню и сказал:

— Отец сказал, что встретит нас у ворот.

— Я понял, — в голосе Гао Сюня не чувствовалось никаких эмоций.

Место для парковки находилось на некотором расстоянии от храма, дальше нужно было идти пешком. Видя, что Гао Сюнь идет рядом, Ли Сичунь со сложным выражением лица произнес:

— Отец не обрадуется, когда увидит тебя.

И это еще мягко сказано — зная взрывной характер Старика Ли, он мог бы сразу схватиться за метлу и прогнать его вшаей.

Гао Сюнь ничего не ответил, лишь молча продолжал идти вперед.

Вдали виднелось несколько стоявших человек. Ли Сичунь ускорил шаг и, успокоившись, позвал:

— Отец.

Рядом со Стариком Ли стояли еще несколько пожилых людей, пришедших вместе с ним помолиться. Они только что прослушали чтение сутр и теперь по пути оживленно делились

впечатлениями, попутно решив выйти наружу.

Услышав этот возглас, вся группа синхронно опустила руки по швам и одновременно повернула головы. В лучах заходящего солнца их улыбки казались милосердными, а лица — безмятежными.

— ...

Столкнувшись с этой неописуемо странной сценой, Гао Сюнь невольно сбился с шага и спросил:

— И который из них твой отец?

Ли Сичунь, как ни странно, заколебался:

— Кажется, тот, что посередине.

Они переглянулись, и каждый прочитал в глазах другого глубокое недоумение.

Увидев их вместе, старик на удивление не устроил сцену прямо на месте. Ли Сичунь до сих пор помнил, как в первый раз привел Гао Сюня в дом — тогда его отец без лишних слов расколотил свой самый любимый чайный сервиз.

Когда они подошли ближе, Старик Ли при виде Гао Сюня слегка нахмурился.

То, что старик не одобрял отношения своего сына, в их кругу было секретом полишинеля. Заметив его реакцию, стоявший рядом Старец Ань поспешил похлопать друга по плечу и напомнил:

— Поклонение Будде требует душевного покоя. Старый друг, твое сердце... беспокойно.

Старик Ли глубоко закрыл глаза:

— Вода не знает печали, пока ветер не покроет ее рябью... Дело не в том, что мое сердце беспокойно, а в том, что внешние силы колеблют его.

В его меланхоличном тоне и манере выразаться сквозило такое сильное дежавю, что от него невозможно было отмахнуться.

Ли Сичунь мучительно пытался вспомнить, где уже видел нечто подобное, пока случайно не перевел взгляд на Ли Шашу — и тут же вздрогнул всем телом.

Ночной ветер ласкал лицо. Ли Шаша поднял глаза на храм, над которым в лучах заходящего солнца облака словно светились божественным сиянием. Спустя долгое время он задумчиво произнес:

— Верно. Меня тоже когда-то наставили на путь истинный.

У каждого, кого подвергли принудительному просветлению, неизбежно остаются подобные последствия.

От автора:

Ли Шаша: «С этого момента в мире стало на несколько человек больше тех, кто меня

понимает».

Складка между бровей Ли Сичуня пролегла глубоко как никогда.

Обычно Ли Шаша выдавал слишком много странных суждений, и Ли Сичунь не принимал их близко к сердцу. Размышляя об этом теперь, он мог списать все лишь на то, что у Старика Ли слегка помутился рассудок, раз уж он принялся подражать повадкам внука.

Стоявший рядом Гао Сюнь посмотрел на шеренгу доброжелательных пожилых людей и констатировал факт:

— С этим храмом явно что-то не так.

Первой мыслью Ли Сичуня тоже было то, что их зомбировала какая-то секта под прикрытием буддизма.

Услышав совет Старца Аня, Старик Ли теперь в упор разглядывал Гао Сюня. На его руках то и дело вздувались вены, однако лицо при этом оставалось безмятежным и мирным. Видя это, Гао Сюнь больше не колебался:

— Нужно вызывать полицию, это похоже на секту.

— Погодите, — спокойно остановил его рукой Ли Шаша. — У меня есть опыт.

В подобных ситуациях первым делом нужно пробудить в человеке мирские желания.

Немного подумав, Ли Шаша указал на Ли Сичуня:

— Дядя собирается расстаться. Видимо, сработал закон обратного действия: многолетние безуспешные отношения привели к тому, что он окончательно решил остаться один как перст.

Гао Сюнь нахмурился, услышав это, но не успел он и слова вставить, как лицо Старика Ли смягчилось:

— И превосходно.

Ли Шаша опешил:

— Разве его женитьба и рождение детей не были вашей заветной мечтой?

— Это было раньше, — Старик Ли покачал головой с легкой улыбкой. — Раз есть ты, этого вполне достаточно. Разве сейчас не в моде всякие «облачные» проекты? Отныне в нашей семье запускается проект «облачного воспитания ребенка семьи Ли».

Старец Ань рядом с ним согласно закивал:

— Найдем ему лучших учителей, сделаем из него мастера на все руки, чтобы в будущем он добился невероятных высот.

— ...

У стен храма Синъюнь Ли Шаша впервые на собственной шкуре ощутил закон кармы: как он когда-то поступал с Ли Сяньфу, так теперь аукнулось и ему самому.

После поражения Ли Шаши старики по-прежнему сохраняли одинаково любящие и благообразные выражения лиц.

К счастью, Ли Сичунь оказался человеком решительным. Поняв, что уговоры не действуют, он окинул всех присутствующих резким взглядом и прямо заявил:

— Либо вы все сообщаете своим семьям, чтобы вас забрали отсюда сегодня же, либо я прямо сейчас звоню в полицию... — Он перевел дыхание. — И сообщаю, что вы оскверняете святую обитель Будды, о которой так печетесь.

Этот удар пришелся точно в цель, и прием мгновенно сработал.

Не прошло и часа, как на горе появилось несколько машин. Один из приехавших перед уходом недовольно бурчал под нос: «Я обязательно пожалуюсь на это место», но в ту же секунду получил от стоявшего позади старика легкий подзатыльник: «Только попробуй».

Молодой человек послушно замолчал.

Заметив Ли Сичуня, он попытался сохранить вежливый тон:

— Извини за беспокойство.

Ли Сичунь лишь беспомощно вздохнул:

— Пустяки.

Он поднялся на гору раньше всех, но в итоге всех остальных стариков уже забрали родственники, а он все еще ждал. В храме Ли Сянфу как раз вел неспешную беседу за чаем с настоятелем, утверждая, что ему нужно прояснить еще пару последних вопросов.

В храме было слишком людно, и устраивать скандал было не с руки. Подумав, что это займет от силы полчаса, Ли Сичунь решил не нагнетать обстановку.

Наконец сумерки сгустились, и в сгущающейся темноте навстречу им медленно вышел человек с одухотворенным лицом и полным глубокого сострадания взглядом.

— ...

В отличие от изумленного Ли Сичуня, Ли Шаша ничуть не удивился.

В этом и заключался побочный эффект божественного просветления: помогая другим спастись, человек и сам отрекался от мирского.

В машине они поместились с трудом.

С того момента, как Ли Сянфу сел в машину, он не проронил ни слова. Скрестив руки на груди, он выглядел так, словно мирские заботы его больше не касались.

Прежде чем эта зловещая атмосфера полного отречения от земных страстей успела окончательно их поглотить, Ли Шаша одолжил у Ли Сичуня телефон, нашел видео с выступления Ли Сянфу на шоу «Мастера среди народа» и запустил его на двойной скорости по кругу. Примерно на третьем повторе грудь старика начала тяжело вздыматься, и он наконец выпалил:

— Давно хотел спросить: что за дичь ты там исполняешь?!

Столкнувшись с обвинением, Ли Сяньфу невозмутимо ответил:

— Вы ничего не понимаете в искусстве.

У Ли Сичуня разболелась голова, и он всерьез задумался, не пора ли отвезти эту парочку прямиком к психиатру.

— Будда не признает насильственного просвещения, — Ли Сяньфу вдруг повернулся к Ли Шаше. — На самом деле его никто не обращал в веру. Он просто застрял в точке хрупкого равновесия противоречий. Это мнимое спокойствие, его нужно лишь разрушить.

Ли Шаша приготовился внимательно слушать.

Ли Сяньфу перевел взгляд на отца:

— Папа, за границей я попал в перестрелку.

После этих слов даже Гао Сюнь бросил быстрый взгляд на пассажиров сзади через зеркало заднего вида.

В салоне повисла мертвая тишина, в которой было слышно каждое дыхание. Спустя мгновение лицо Старика Ли исказилось, и уже через три секунды от его недавнего безмятежного вида не осталось и следа. Он с размаху ударил по дверце машины, и его губы задрожали:

— Что ты сказал?!

— У каждого бывают неудачные дни, — Ли Сяньфу спокойно смотрел на пролетавшие за окном деревья, его голос оставался таким же ровным. — Не повезло наткнуться на какого-то сумасшедшего.

— Раз произошло такое несчастье, почему ты ничего не сказал семье?! — лицо Старика Ли потемнело от злости. — Разве я не наказывал тебе тысячу раз перед твоим отъездом за границу...

Слова сыпались одно за другим, оглушая подобно новогодним петардам. Старик Ли ругался без остановки, ни разу не повторившись, а его недавний благообразный образ окончательно рассыпался в прах.

Сам же виновник переполоха оставался абсолютно спокоен.

Ли Сяньфу наконец-то вернулся в привычное состояние умиротворения. Окно было приоткрыто, и в свисте ветра у его ушей ему даже слышалась какая-то особая мелодия.

Ли Шаша прервал гневную тираду Старика Ли:

— Папа, у тебя телефон звякнул.